**ЗАГЛАВНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ЖАНРОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР
ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ ЮРИЯ МАМЛЕЕВА
«ЕРЕМА-ДУРАК И СМЕРТЬ»**

В статье представлен взгляд на заглавные образы героев литературной сказки Юрия Мамлеева «Ерема-дурак и Смерть». Они выступают как жанрообразующий фактор, способствующий выражению авторской позиции. Автор рассматривает данное произведение с точки зрения соотношения традиционности и новаторства в творчестве писателя-постмодерниста.

Ключевые слова: *литературная сказка, жанр, литературный образ, протагонист, антагонист, авторская позиция, Юрий Мамлеев*

Изучение литературной сказки остается одним из актуальных вопросов литературоведения. С учётом отсутствия комплексных исследований литературной сказки на уровне жанра, в общем хронологическом контексте разработки поставленной проблемы логичным представляется рассмотрение героев сказки как репрезентов жанрового своеобразия. Вместе с тем сказка при всей внешней простоте представляет определенные трудности для изучения, что связано с тем, что этот пласт литературы включает в себя достаточно большой объем разнородных текстов, которые отличаются как в идейно-тематическом, так и в жанрово-стилевом отношении. В этой связи в изучении героев-протагонистов литературной сказки существуют проблемы, прежде всего, методологического характера, что определяет актуальность данной статьи.

В Украине вопросы жанра рассматриваются в работах Н. Копыстянской [1], Т.В. Бовсуновской, О.Н. Николенко и других. Следует признать, что, несмотря на значительное количество научных и критических работ, посвященных указанному аспекту, исследователи литературной сказки отмечают двоякость природы жанра: инвариантность жанрового ядра и вместе с тем вариативность жанровых модификаций: «содержание и направление такой сказки постоянно варьируется даже в рамках творчества одного и того же писателя», поскольку «литературная сказка – всегда сказка своего времени» [2:7], и эта ее характерная черта не оставляет возможности когда-либо дать универсальное определение жанрообразующим элементам авторской сказки. В качестве главного инвариантного признака, наследуемого от фольклорной первоосновы, называют установку на вымысел, фантастичность: «чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей» [2:7]. В статье, посвященной проблеме дефиниции литературной сказки, исследователь осетинского фольклора А.Б. Бритаева приходит к выводу, что лишь совокупность типологических признаков определяет жанровое своеобразие произведения: «Литературная сказка – это многовариантный жанр художественного словотворчества, произведение с фантастическим сюжетом, оригинальной авторской концепцией, основанное на синтезе фольклорных и литературных традиций и преследующее этико-эстетические цели» [3:68].

© М. Г. Дещенко, 2014

Мы склонны согласиться с трактовкой литературной сказки как совокупности типологических признаков в диалектическом соотношении жанрового ядра и модификаций в силу того, что литературную сказку Юрия Мамлеева характеризует как оригинальная авторская концепция, так и многовариантность читательской рецепции. Целью данной статьи является рассмотрение роли протагониста и антагониста в жанрообразовании произведения.

Важность анализа системы основных персонажей в интерпретации содержания сказки «Ерема-дурак и Смерть» несомненна: во-первых, главные герои литературного произведения являются средствами выражения авторской идеи, во-вторых, в сказочной традиции это не индивидуальные характеры, а типажи. Первые доказательства этому мы находим уже в названии произведения, где упоминаются оба главных героя, что лишний раз подчеркивает важность этих персонажей как таковых и особую роль их противопоставления для выражения авторской позиции.

Заглавный образ Еремы-дурака отсылает читателя к народной сказочной традиции, создавая соответствующий жанровый настрой. При исследовании фольклорных сказок отмечается парадоксальность образа дурака: «Тайна этого парадокса ... в противоположности между подлинною, то есть магическою, мудростью, и житейским здравым смыслом» [4:34]. Традиционность значения образа дурака как юродивого усиливается в ходе развития сюжета путем многократного обыгрывания. Так, взаимодействие Еремы с миром живых в деревне терпит неудачу по причине того, что он считается односельчанами «дураком», а в городе – уже по причине его «странной», чуждой природы. Именно благодаря инаковости Ерема выходит невредимым из испытаний, а в узловых точках сюжета одерживает верх над антагонистическими силами, сколь бы могущественными они ни были: в сцене признания в любви любящая девушка развоплотилась; при столкновении с прислужником сатаны тот отпрянул; в результате общения героя с мертвецами к ним начали возвращаться свойства живых; явившийся Ереме дух невесты лишился человеческого образа и был вознесен к ангелам; а Личная Смерть осталась без сопровождения Ангела.

Трансформация традиции в образе дурака в сказке Мамлеева требует некоторых пояснений. Действие начинается с момента рождения Еремы, о котором автор говорит: «Такой дурак, что совсем необыкновенный. Станный человек, одним словом» [5:202]. С первой строки текста характеризуя героя словом «дурак», автор делает отсылку к фольклорному образу юродивого, усиливая воздействие на читателя путем использования эмфатической конструкции в сопровождении эпитета «странный», что вызывает читательскую ассоциацию со странником, пришельцем из иных миров.

Характерной чертой фольклорного сказочного образа дурака является его неведение и лень. Данный мотив в литературной сказке Мамлеева также подвергается трансформации. Ее мы усматриваем в том, что герой не выражает нежелания выполнять работу, навязываемую социумом, однако и склонности к какой бы то ни было целенаправленной деятельности он не проявляет: ««Пора бы его обучить чему-нибудь, – чесали затылки деревенские старики. – Таким темным нехорошо быть». Спросили у него, да толку нет» [5:203]. Таким образом, в аспекте непригодности к полезному труду характер Еремы сопоставим с фольклорным дураком, а вот в плане намеренного нежелания работать – противопоставлен ему. Он действует, но деятельность его приносит непостижимые результаты. Так, на охоте Ерема повесил ружье на сук, взял свечку и пошел с нею на зайца – причем заяц издох «от изумления», чем герой «не воспользовался». Пойдя на медведя, протагонист принял за

зверя огромное дерево, влез на него и впал в проstration: «Целый день сидел, без всякого движения» [5:203]. Занявшись собирательством, вместо грибов да ягод принес домой целую корзинку глаз: «Много глаз разных устремлены, как живые, не на людей, а куда – неизвестно» [5:204]. Все вышеперечисленные детали, не подтверждая рациональные ожидания читателя, несомненно, являются средствами трансляции авторской оценки личности героя: он не дурак, а человек «не от мира сего», потому и предназначение его деятельности, очевидно, имеет некий запредельный смысл, непостижимый средствами линейной логики.

Образ Еремы, помимо традиционного понимания его роли как юродивого, обладает еще рядом смыслов. Н. Ю. Евтушенко считает, что герой играет роль медиатора между царством живых и мертвых [6:228]. Разделяя это мнение, мы считаем нужным уточнить, что Ерема исполняет роль не столько связующего звена между мирами, сколько метафизического существа, «пронизывающего» и мир живых, и мир мертвых, но не принадлежащего ни к одному из них. Мотив юродивости героя получает, таким образом, свое развитие, утверждая читателя в догадке, что герой не относится ни к одному из перечисленных миров, ибо «нет для него ни смерти, ни бессмертия, и жизнь тоже по ту сторону его» [5:210].

Для выражения авторской позиции не менее значима и роль второго заглавного персонажа – Смерти. Олицетворение Смерти нередко встречается в сказочной традиции, как народной (русская сказка «Солдат и Смерть», чешская «Смерть-кумушка», венгерская «Старуха и смерть» и т.п.), так и в авторской («Крестьянин и Смерть» И.А. Крылова, «Девушка и Смерть» М. Горького и др.). Заметим, что если в народной плутовской сказке Смерть – это характер, отношение рассказчика к которому саркастично, что выражается в попытках героя обмануть Смерть, зачастую успешных, то в авторской сказке ее образ чаще олицетворяет великую метафизическую силу, философскую антитезу жизни, и проникнут драматизмом.

По нашему мнению, в мамлеевской сказке образ Смерти наделен особенностями, характерными как для народной плутовской, так и для авторской философской сказки. Так, Смерть выступает в роли «пробного камня» для характера героя: «Смерть, она кого хошь научит» [5:206], «Етта тебе не черт поганый, от которого крестом спасешься, а от такого существа ничто не поможет» [5:209]. Наряду с этим образ Смерти описывается и в снисходительном тоне: «Однако на самом деле оказалось, Смерть далеко не всезнайка. Не дано ей многое из тайнова знать» [5:210], «Но вид-то его ложный, человеческий, должен пропасть, раз я пришла», – подумала Смерть. А самой страшно стало» [5:210], «Смерть стоит одна среди угольков, пригорюнилась» [5:211]. Отношение к Смерти как образу непреодолимой силы отражает влияние литературной традиции, тогда как сниженные жанра напоминает о влиянии народной плутовской сказки.

Отталкиваясь от традиции, автор подчеркивает значимость образа Смерти, наделяя его решающей ролью в развитии сюжета. Непосредственное взаимодействие обоих заглавных персонажей ведет к развязке. В результате вмешательства Смерти Ерема, до сих пор не менявшийся, наконец, подвергается метаморфозе: его «ложный вид», человеческий образ, разрушается.

Хронотоп данной сказки противопоставляет миры разных уровней – земного и волшебного, божественного и адского, мира мертвых и живых, мира видимого и невидимого. Константной характеристикой героя служит его принадлежность к миру иному,

отчего Ерема не подвергается ни анализу, ни воздействию, ни метаморфозам. В сказке часто используются мотивы перехода человека из мира в мир и константности характера Еремы вопреки метаморфозам окружающего мира. Противопоставление миров нередко используется и в народной сказке, но в сказке Мамлеева наблюдается постмодернистская трансформация: несмотря на многочисленные ситуации антагонизма, в которых оказывается герой, ни одному из испытаний не удается выявить принадлежность Еремы ни к какому-либо из известных слоев мироздания, проявляются лишь признаки его независимости, особи. Лишь Смерть равносильна Ереме, так как способна вернуть герою истинный облик, разрушив его земную оболочку, при этом страдает сама: «Смерть стоит одна среди угольков, пригорюнилась. Платочек повязала, нищенкой юродивой прикинулась и пошла. Обиделась» [5:211].

Суммируя вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что авторский замысел неразрывно связан со стремлением выразить идею о метафизическом аспекте мироустройства вселенной, где кроме мира яви существует мир принципиально непознаваемого, символом которого выступает «дурак»; где смерть исполняет роль активатора трансформаций характера персонажей, способствуя их переходу из мира в мир и обнажая истинное «я» человека. Метафизическая природа Еремы не только является источником константности личности героя, но и оказывает влияние на антагонистические силы, высшей степенью выражения которых является Смерть.

Жанрообразующая роль протагониста и антагониста велика, во-первых, в силу архетипичности их образов, а во-вторых, в силу ряда трансформаций, каждая из которых служит выражению авторской позиции. Опираясь на мифологическую и фольклорную традицию, писатель дает понять, что образ Еремы-дурака является метафорой человеческой (в более узком смысле – русской) души. Эта мысль коррелирует с философской концепцией «вечной России», также принадлежащей авторству Ю. Мамлеева.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Копытянская Н. К вопросу о системности в изучении жанра / Нонна Копытянская // *Zagadnienia rodzajów literackich*. – 1993. – Tom 36. – Zeszyt 1–2 (71–72). – S. 97 – 111.
2. Брауде Л.Ю. Скандинавская литературная сказка / Л.Ю. Брауде. – М.; Наука, 1979.
3. Бритаева А.Б. Литературная сказка: проблема дефиниции / А.Б.Бритаева // *Известия СОИГСИ*. – № 6. – Владикавказ, 2011. – С.63–68.
4. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Евгений Николаевич Трубецкой // *Литературная учеба*. – 1990. – № 2. – С. 100–118.
5. Мамлеев Ю.В. Верность мертвым девам: сборник рассказов / Юрий Мамлеев. – М.; АСТ: Зебра Е, 2009. – С.202–211.
6. Евтушенко Н.Ю. Образ дурака в постмодернистской эстетике (Ю. Мамлеев «Ерема-дурак и Смерть») / Н.Ю. Евтушенко // *Материалы XII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2005»*. – вып. 13. – С. 227–228.

Стаття надійшла до редакції 15.08.14

М.Г. Дещенко, пошукач

Кримська філія Російської академії правосуддя, Сімферополь

**ЗАГОЛОВНІ ОБРАЗИ ЯК ЖАНРОСТВОРЮЮЧИЙ ФАКТОР
ЛІТЕРАТУРНОЇ КАЗКИ ЮРІЯ МАМЛЄЄВА
«ЄРЕМА-ДУРЕНЬ І СМЕРТЬ»**

У статті представлено погляд на заголовні образи героїв літературної казки Юрія Мамлеєва «Єрема-дурень і Смерть». Вони виступають як жанроутворюючий фактор, що сприяє вираженню авторської позиції. Автор розглядає даний твір з точки зору співвідношення традиційності і новаторства у творчості письменника-постмодерніста.

Ключові слова: літературна казка, жанр, літературний образ, протагоніст, антагоніст, авторська позиція, Юрій Мамлеєв

Deschenko M., applicant

Simferopol branch of Russian academy of Justice, Simferopol

**TITLE CHARACTERS AS A GENRE-CREATING FACTOR OF
A FAIRY TALE BY YURI MAMLEYEV “YEREMA THE FOOL AND
THE DEATH”**

The article looks at the title characters of the literary fairy tale by Yuri Mamleyev “Yerema the Fool and the Death”. They act as a genre-creating factor contributing to the expression of the author’s position. The author examines this work in terms of correlation between tradition and innovation in the work of the post-modern writer.

Keywords: literary fairy tale, genre, literary character, protagonist, antagonist, author’s position, Yuri Mamleyev

УДК 82.09

Н. А. Дмитриева, аспирант

ДНУ, Донецк

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЭТОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
АРХЕТИПА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. СЫЧА «UROBOROS»)**

Статья посвящена проблеме реализации поэтологического потенциала архетипа в художественном произведении. В качестве категории, связывающей архетип (как изначальную модель мировосприятия) и художественный мир произведения, рассматривается символ. Предлагается символично-архетипическая интерпретация романа О. Сыча «Uroboros».

Ключевые слова: архетип, символ, поэтика, художественный мир.

© Н. А. Дмитриева, 2014